

На Лубянке работал лучший в стране отдел литературной критики. Писателей там не только почитывали, но и подслушивали. И скрыться от этих «критиков» было негде — ни в России, ни в других республиках.

Космос. правда. — 1993. — 16 февр.

# Как «жучки» точили книги Быкова

Читатели нашей газеты, вероятно, помнят статью «Он был в России больше, чем поэт» (см. «КП» за 16.10.92). Речь в ней шла о письмах, написанных в конце шестидесятых тогдашним председателем КГБ СССР Ю. В. Андроповым в ЦК КПСС о «нежелательных» писателях, поэтах, диссидентах. Одно из этих писем, написанное 20 июня 1969 года, касалось двух известных писателей-фронтовиков из небольшого западно-белорусского города Гродно — Василия Быкова и Алексея Карпюка: «Карпюк нелегально распространяет среди своих знакомых различные пасквилы в виде книги Гинзбург-Аксеновой «Крутой маршрут» и другие, — писал вездесущий Юрий Владимирович. — Отрицательно воздействует на молодежь. Под его влиянием студент Гродненского пединститута Малашенко пишет стихотворения, проникнутые пессимизмом и упадочничеством, некоторые из них содержат вредный политический смысл».

Не прошло и недели после появления статьи, как на моем столе зазвонил телефон. «Здравствуйте. Я — Малашенко», — сказал далекий голос в телефонной трубке.

...Он не знал точно, что же мучило его все эти двадцать лет. Почему не удавалось устроиться на мало-мальски престижную работу. Почему письма приходили распечатанными и чужой голос врывается в «нетелефонный» разговор. Догадывался, конечно, что это как-то связано с тем, что произошло тогда, в институте. Но при этих мыслях становилось еще тяжелее...

Жизнь Олега Малашенко начиналась просто и хорошо — в стиле шестидесятых. В четырнадцать лет пошел на завод лекальщиком, потом поступил в Гродненский пединститут на истфак. С первыми стихами пришел в молодежное литературное объединение «Радуга». Там прочитали и сказали: «Олег, ты — гениальный поэт». Через «Радугу» познакомился с лучшими писателями города — Карпюком и Быковым. Василь Владимирович взял одно стихотворение — оно называлось «Шарманщик» — и опубликовал в «Гродненской правде». И ничего бы, наверно, не случилось, если бы секретарь Гродненского обкома партии по идеологии Александр Ульянович не «критиковал» стихотворение на одной из «встреч с молодежью». Логика опытного партийца была проста: шарманщик в нашей жизни нет — значит, стихотворение упадочническое. Рассерженный восемнадцатилетний поэт заметил «старшему товарищу», что тот говорит глупости. Ульянович ничего не ответил, только посмотрел недобро.

...Эх, если бы знал тогда бедный студент, в какую историю он попал! Уже сдвигались над головой его знакомцев-писателей тучи, уже писались доносы, которым суждено было отлиться в чекан-

ные строки андроповского письма: «Комитет государственной безопасности Белоруссии располагает данными о политических нездоровых настроениях белорусских писателей — члена КПСС Карпюка и Быкова». Не знал Малашенко и того, зачем нужна была тогда КГБ операция именно против белорусской «крамолы». В полном разгаре была «пражская весна». Тогда же произошли «беспорядки» и в соседней Польше. А ведь от Гродно до Польши всего пять километров: люди все слышали, все знали. Так что недаром в это время, выходя перед комсомольцами КГБ, Андропов говорил о врагах, которые пытаются «раздуть пламя национализма». Установка была дана четкая...

Но студент Малашенко об этом не знал. И потому как-то раз на собрании курса «брякнул», что польский лидер Владислав Гомулка не протянет и двух лет (кстати, угадал). К тому же подвела профессия историка: нашел в библиотеке портреты Троцкого и Бухарина, принес к себе в общежитие. И самое главное: там же лежала подаренная Карпюком копия его доклада на пленуме писательской организации республики, в котором Алексей Никифорович что-то «не так» критиковал в родном сельском хозяйстве.

И вот однажды на лекции по диамату в дверь аудитории постучали. Поблдевший в минуту преподаватель изменившимся голосом позвал: «Олег, это вас». Через некоторое время белая «Волга» с поблдевшим в свой черед Олегом и двумя людьми в неопределенных пальто подъехала к общежитию. Следователь КГБ Сичко и его помощник «по-дружески» попросили Олега показать им, что он пишет и читает. Взяли стихи, портрет Бухарина. Прежде чем забрать доклад Карпюка, спросили, откуда взял.

...В этом месте своего рассказа сорокадвулетний уже Олег Николаевич понуро наклоняется над кухонным столом: «Будь хоть чуть-чуть опычнее, сказал бы, что нашел в институте на скамье или еще где». Но откуда было девятнадцатилетнему парню из рабочей семьи знать все тонкости системы, которая ломала людей в тысячу раз сильнее?..

Сказал правду: «Мне Алексей Никифорович подарил». А потом, в июне, пошли собрания. Курса, факультета, института, комсомольского актива области. Читали найденные под подушкой стихи. Олег каялся, признавал ошибки. «Радугу» закрыли — за связь с «антисоветчиком». По-

сле окончания института и армии в аспирантуру не взяли, учителем работать не дали. Работал директором дома культуры для глухих, ночным сторожем, грузчиком, воспитателем детской комнаты в милиции. До последнего времени ничего не печатал, с литераторами не общался. Ушел в частную жизнь. Причина была веская — после истории с докладом Карпюка по городу не без помощи компетентных органов пополз слухок, что Малашенко — «стукач»...

Впрочем, в намечавшейся КГБ операции Малашенко должен был сыграть роль «оступившегося» юнца, богемы. Через него КГБ подкапывался под главных «злодеев» — Карпюка и Быкова. И того, и другого «взять» было непросто. Быков к тому времени уже стал знаменитым писателем. Что же касается Карпюка, то он с полным правом мог претендовать на звание почетного гражданина Гродно. Все его произведения были посвящены родному краю — Приеманшине. Партизан, узник фашистского концлагеря, фронтовик, ранен при штурме Берлина, секретарь областной писательской организации. Но после «высочайшего» письма белое не могло не стать черным.

20 апреля 1970 года бюро Гродненского горкома КПБ исклонило Карпюка из партии за «умышленное искажение автобиографических данных». Жена писателя Инна Анатольевна рассказывает, что после исключения секретарь горкома пригласил ее в свой кабинет и, не говоря ни слова, вынул из сейфа «основания» — доносы и заключения чекистов. Один из офицеров КГБ не поленился съездить в концлагерь Штутгоф неподалеку от Гданьска, где Карпюк оказался в 1943 году за связь с партизанами, и «проверить» лагерные документы Карпюка. Оттуда он привез липовую копию документа, в котором Карпюк расписывался в получении нескольких десятков рейхсмарок. Вывод офицера (Инна Анатольевна запомнила его фамилию — Климович) был прост — писатель сотрудничал с фашистами. Только на суде 1990 года окончательно выяснилось, что из «копии» исчезли бывшие в оригинале слова «арестант» и «почтовый перевод»: это мать слала Алексею в лагерь последние гроши.

Второе обвинение вполне соответствовало большевистской логике: Карпюка объявили кулаком. Отец Алексея Никифоровича перед войной, при польском режиме, был членом подпольной компартии Западной Белоруссии, а юный

Алексей вступил в комсомол и даже как-то раз попробовал вместе с приятелем убежать в Советский Союз. Не получилось. И это было его счастье, а то не миновать бы ему лагеря: как только советские войска вошли в 1939 году в Белосток, на хуторе рядом с которым жили Карпюки, отда сразу же обложили «кулацким» налогом.

В лагере он провел девять месяцев и бежал случайно: заключенных вывезли из лагеря на разгрузку кирпичей, и ему удалось скрыться. Разжившись на соседнем хуторе гражданской одеждой, он пробрался через всю Польшу в Приеманшину, где примкнул к партизанам, а потом и к подошедшей Красной Армии. Впоследствии в руках КГБ и это стало обвинением: почему, кроме тебя, никто не бежал из лагеря? Подозрительно — может, тебя нарочно забросили! В итоге картина у каргэбиста Фомина получалась на славу: «подкулачник», фашистский прислужник в лагере и агент алверба в придачу.

...Инна Анатольевна кладет передо мной на стол ордена мужа: Красного Знамени и Отечественной войны, польский «Виртути Милитари». Характеристику на солдата, который «уничтожил до двух десятков фрицев». А тогда все бумаги о партизанских отрядах, в которых сражался Карпюк, из белорусских партизанских архивов как ветром вымело...

Было отчего отчаяться и Василь Быкову. Каждое партийное собрание в Гродно начиналось с его «проработки» за «клевету» на Советскую Армию в годы войны. С друзьями Василь Владимирович предпочитал встречаться и разговаривать на улице, опасаясь «жучков» дома. Как показывает письмо Андропова, для таких опасений были основания — за письмами и разговорами писателя КГБ следил зорко: «В настоящее время к Быкову проявляют повышенный интерес идеологические центры противника», — сообщал в ЦК Андропов. — Это видно, в частности, из переписки с ним сотрудниками закрытого сектора «Народно-трудового союза» (НТС), которая ведет его антисоветскую обработку. С Быковым установил контакт подозреваемый в принадлежности к спецорганам противника итальянец Поджи, высказывающий намерение в этом году приехать в Советский Союз.

Но уйти от «недреманного ока» было некуда. Однажды на улице на Василь Владимировича и его друга, доцента медицинского института Бориса Клейна, также упомянувшегося в письме Андропова в качестве «отъявленного» антисоветчи-

ка и сиониста, напали несколько человек. Писатель и его друг были жестоко избиты. Нападавшие изображали из себя уголовников, но у пострадавших осталось впечатление, что это были не простые подонки.

Подтверждение тому — окончание письма Андропова: «Комитетом госбезопасности Белоруссии с санкции ЦК Компартии республики готовятся мероприятия, направленные на предотвращение возможных враждебных акций со стороны названных (Карпюка, Быкова и Клейна. — Д. Б.) лиц». Тогда же, в 1971 году, Борис Клейн был исключен из партии и лишился работы.

Прошло больше двадцати лет. Время лечит любые раны. Василь Быков уехал в Минск и, несмотря на «проработки», стал всемирно известным писателем. Олегу Малашенко после долгих лет вынужденного молчания все же удалось опубликовать три года назад первую книгу рассказов — «Выйти за поворот». Ульянович стал директором республиканского музея Великой Отечественной войны и до последнего времени выступал в печати против «так называемой «окопной правды» в родной литературе. Очевидно, окопы и шарманщики вызывали у него одинаково отрицательные эмоции. Гродненское КГБ по-прежнему занимает просторное серое здание в центре города.

Алексей Карпюк умер в июле прошлого года. В партии ему удалось восстановиться, хоть и со строгим выговором, в 1973 году. Но в девяностом журнале «Политический собеседник» вновь вытащил на свет Божий и старые лагерные марки, и «антисоветчину». Связано это было с тем, что в это время Карпюк стал писать в газеты о «печальных былях» Приеманщины. Как «раскулачивали» крестьян энкавэдэшники во главе с бериевским наместником Цанавы, как искореняли белорусский язык. Об «ошибочности» этих статей было принято специальное постановление Гродненского обкома. Но времена были не те. Писатель обратился в суд и выиграл процесс. Журнал и автора вынуждены выплатить символический штраф.

В последние годы жизни Карпюк вышел из КПСС, помогал профессору Гродненского университета Михаилу Ткачеву в организации близкого ВФ исторического клуба «Паходня».

...А восьмисотлетний Гродно живет по-прежнему. Но уже без Карпюка и Быкова. Без Бориса Клейна, уехавшего за границу два месяца назад. Без Ткачева, за некоторое время перед смертью также избитого в темном переулке уголовниками.

Василь Быков правильно писал: тяжело писателю в провинции. И не только писателю — любому человеку «с умом и талантом»...

Д. БАБИЧ.